

САМУИЛ БАБИН

СЕРЖАНТ КОЗЛОВ

Самуил Бабин Сержант Козлов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63010516

SelfPub; 2023

Аннотация

Полицейский из провинции приезжает в столицу служить в ОМОНе. Для этого нужен стаж, и он устраивается в райотдел полиции. Вечерами возле подъезда он выпивает со случайным знакомым портвейн и просыпается то в советском времени, то в реальном, то вообще при опричнине. Но, несмотря на смену исторических эпох, они с напарником выезжают патрулировать район, чтобы выполнить план по задержаниям правонарушителей, которые иногда переходят в разряд правящей элиты, но чаще остаются уличными торговцами, спекулянтами, выпивохами, проститутками. А план по задержаниям выполнять все сложнее. Начальство подключает ОМОН. Тот начинают задерживать протестующих. И перед героем встает вопрос – «Что делать?».

Самуил Бабин

Сержант Козлов

Сержант Козлов сидел за столом посреди небольшой комнаты, в деревенском доме своей старушки-матери. Здесь все было как в детстве. На стене, обклеенной старыми поздравительными открытками, тикали ходики, из окошка которых с любопытством выглядывала головка поломанной кукушки. Из двух небольших окон выходящий на деревенскую улицу падал солнечный свет, оставляя на дочиста выскобленном деревянном полу желтые прямоугольники. На Козлове была надета выцветшая милицейский рубашка без погон и полинялые треники «Адидас».

В комнату, из кухни зашла старушка-мать, неся миску с дымящейся отварной картошкой, обильно посыпанной укропом и поставив ее на стол грустно посмотрела на Козлова и произнесла слабым голосом:

– Кушай, сынок, кушай. Где ты там еще в этой Кваскве, такой картошечки найдешь.

– Спасибо, мать, – пододвинул к себе миску, ответил Козлов и схвати картофелину руками, обжигаясь и дуя на нее, стал с аппетитом кусать.

– Я же молочка забыла принести, – взмахнула руками старушка-мать и выбежав в кухню, скоро вернулась с глиняной крынкой, завязанной сверху куском марли и эмалированной

кружкой.

– Ты запивай, запивай, – наливая молоко в кружку и поддвигая ее Козлову произнесла старушка-мать, – Молоко холодненькое. Из погреба.

– Ага, – схватил кружку Козлов и плеснул молоком в открытый рот, – Хо-ро-шо.

– И на кой тебе эта Квасква сдалась сынок. Оставался бы дома. «Картоха с молоком всегда своя будет», —пригорюнившись произнесла старушка, садясь за стол напротив Козлова.

– А, заниматься я здесь чем буду, – вытирая рот тыльной стороной ладони, с сожалением посмотрел на мать Козлов. – Раньше хоть колхоз здесь был. А сейчас что?

– Вон Мишка Белорус, твой одноклассник, живет ведь. Трактор починил и находит работу. Где вспашет, где посеет. Кому из леса дрова привезет. И ты бы смог сынок, – с надеждой посмотрела на Козлова старушка.

– Ну, чего ты такое говоришь, мать, – недовольно произнес Козлов, – Тут его одного трактора, на всю округу хватает, на все пять деревень. А я на кой ему нужен буду?

– Ну, не знаю, – тяжело вздохнув, согласилась старушка. – А в Кваскве что ты будешь делать?

– Что и в райцентре. В милиции буду служить. Может даже в ОМОНе, – ответил Козлов и вытащил из нагрудного кармана листок бумаги, положил его на стол, разгладил рукой и прочитал: Товарищ Козлов, ваша заявка рассмотрена и

одобрена. Вам необходимо явиться в отдел кадров Октябрьского РОВД города Квасквы, для заключения контракта. Начальник отдела кадров полковник Собякин. «Вот», – закончив читать, хлопнул по бумаге Козлов.

– Ты и в райцентре в этой милиции можешь работать. И чего, – покачала головой старушка, – Тут хоть не далеко от дома.

– А, того, – с большей силой хлопнул по столу Козлов. – Чего я в том райцентре выслужил? Постоянные дежурства. Козлов езжай туда, езжай сюда, да еще Уазик своими руками им ремонтируй. И за все пятнадцать тысяч рублей оклада?

– Так ведь не маленькие деньги, пятнадцать тыщ, – осторожно произнесла мать. – А, что в Кваскве по-другому будет?

– По-другому, – с вызовом произнес Козлов, вскакивая из-за стола. – Сорок тысяч. И это только сначала. А ежели в ОМОН попаду, так все семьдесят. И жизнь там совсем другая. И Большой театр, пожалуйста и галерея эта Третьяковская.

– Да Большой театр можно и по телевизору посмотреть, – не соглашалась мать, – А ОМОН твой, людей на улицах избивает почем зря.

– Это кого он избивает, – взвился Козлов, – Это откуда у тебя провокационная информация?

– Так по телевизору показывали вчерась. Как они там людей хватили с флагами и в машины засовывали.

– Правильно, – строго посмотрел на мать Козлов, – Потому как акция была не согласованная.

– Ой, не знаю сынок, что там за акция. По мне лучше бы ты дома оставался, – всхлипнула мать промокая кончиком платка глаза.

В это время с улицы раздалось тарахтение работающего двигателя и к дому подъехал синего цвета колесный трактор.

– Вот и Мишка Белорус приехал, – пригнувшись к окну, радостно сообщил Козлов. – Все пора мне. Прощайте мамаша, – и он, нагнувшись к столу вытащил приготовленный заранее рюкзак и набросив одну лямку на плечо, наклонился к старушке, и поцеловав ее три раза в щеки, быстро вышел из хаты.

– Ну, чего, поехали, – встретил его стоящий у трактора Мишка.

– Ага, – закидывая рюкзак в кабину и здороваясь с ним за руку ответил Козлов. – Ты меня до трассы, а там я автобусом до города. А в два часа уже от автостанции рейсовый до Квасквы

– Подожди, сынок, – выбежала из ворот старушка мать протягивая ему большую связанную из прутьев ивняка корзину, чем-то наполненную и завязанную сверху белым полотенцем, – Вот возьми на дорожку.

– Что это, – недовольно поморщился Козлов.

– Так еду тебе собрала. Картошки отварила, яиц, салца, огурчиков свеженьких.

– Ну, зачем, – застонал в ответ Козлов, – Там в магазинах все это есть.

– Есть, то есть. Только это ж все своё, с огорода. Бери, – строго топнула ногой мать.

– Ладно, – нехотя согласился Козлов и взяв корзину полез в кабину трактора, где уже сидел Мишка.

Тот прибавил газу, трактор затарахтел, выпуская черный дым из трубы и медленно покатил по деревенской улице.

– Ты, когда на побывку то вернёшься сынок, – замахала вслед трактору рукой старушка-мать.

– К ноябрьским приеду, если все нормально будет, – высунувшись из кабины, помахал ей в ответ Козлов и трактор скрылся в клубах серой деревенской пыли.

Доехав до трассы, ведущей в райцентр, Козлов поблагодарив Мишку, вылез из трактора у массивной, отлитой из бетона, автобусной остановки и отойдя чуть в сторону, потому как внутри невыносимо пахло мочой, присел на корточки и стал ждать рейсовый Пазик, проезжающий здесь в сторону райцентра, подбирая народ из окружных деревень. Прошел час, а Пазика все не было. Козлов забеспокоился, поглядывая на часы, и стал выбегать на дорогу с нетерпением вглядываясь в даль. Но автобуса все не было. И тут вдруг на дороге показалась серая «копейка», ехавшая в его сторону. Козлов выскочил на проезжую часть и замахал руками. Копейка остановилась возле него и через опущенное стекло выглянул

его старый знакомый, Витя Задворкин, раньше служивший в органах госбезопасности, а теперь уволился и переехал жить в деревню к тестю, занимаясь разведением гусей и уток.

– Привет, Козлов. Ты почему не по форме, – улыбаясь пошутил Витя.

– Так я ж не работаю больше в райотделе, Вить. В Кваскву вот в ОМОН еду устраиваться. А Пазика все нет, – обрадовался Козлов, протягивая Вите руку.

– Так он сломался, Пазик, под Березовкой стоит, – зевнул в ответ Витя, а из салона в это время донеслось недовольное гусиное гоготанье.

– А ты не в райцентр случайно, – с надеждой спросил Козлов.

– Ага, на рынок гусей везу. Сегодня же воскресенье.

– Витя, друг. Подбрось меня до автостанции. Мне в понедельник с утра уже в Кваскве, в отделение полиции надо быть.

– Куда я тебя посажу. Места нет, – сочувственно развел руками Витя. Козлов заглянул в салон копейки и действительно, на всех сиденьях стояли клетки с недовольно шипящими гусями.

– А хочешь я у тебя куплю вот этих прямо здесь, – Козлов постучал по клетке с двумя гусями, стоящей на переднем сиденье.

– В смысле, – не понял Витя.

– По чем ты их на рынке продавать будешь, – полез в карман за кошельком Витя.

– Эти элитные. По полторы за штуку, – подумав, ответил Витя.

– Вот тебе четыре тысячи. Беру вместе с клеткой, – отсчитав деньги, протянул их Вите Козлов.

– Ну, а куда ты их денешь, – вопросительно посмотрел на него Витя. – В Кваскву что ли заберешь?

– На остановке спрячу. А ты на обратном пути их моей мамаше в деревню завезешь, – ответил Козлов и порывшись в кошельке достал еще несколько сотенных, протягивая их Вите, – Три стольника тебя за такси хватит?

– Хватит, – забирая деньги, согласился Витя.

Они вытащили клеть с гусями и отнесли их внутрь остановки, забросав сверху сухой травой, чтоб не видно было с дороги.

На автостанцию они приехали вовремя, за полчаса до отправления квасковского автобуса и успели еще покурить и выпить квасу, из желтой двухколесной бочки.

– Ты, насчет меня разузнай. «Может тоже возьмут, – провозжая Козлову до автобуса уныло произнес Витя, – Я бы пошел». За долбали меня здесь эти гуси с тещей.

– Поговорю, Витя, – кивнул ему Козлов забирая корзину и поднимаясь в автобус.

Дверь за ним плавно закрылась и автобус медленно отъехал от автостанции, а Витя еще стоял некоторое время и ма-

хал рукой ему вслед, в душе сильно завидуя Козлову.

Козлов устроился поудобнее в кресле, закрыл глаза и под тихую легкую музыку, разносившуюся из динамиков, погрузился в мечты о наступающей счастливой столичной жизни. Ему представилось, что он идет в новой черной полицейской форме по ночному бульвару и вдруг видит, как к молодой девушке, идущей впереди, подходят два хулигана и схватив ее, тащат в кусты. Он, не задумываясь, бросается на помощь. Завязывается потасовка. Козлов мастерским приемом выключает одного из нападавших, но второй выхватывает нож и пырнув его, убегает. Козлов успевает, уже истекающий кровью, вызвать по радиации подкрепление и теряет сознание. Приходит в себя он уже в больничной палате. Его навещают коллеги и сообщают о награждении медалью. Когда они уходят, в палату осторожное заходит та самая девушка, которую он спас на бульваре. На ней белый халат, а в руках пакет с апельсинами, и она сразу влюбляется в него. Рана плохо заживает, но он настойчиво просит, чтобы его выписали и не дождавшись сбегает из больницы и выходит на службу, еще с раненой рукой. Ему присваивают звание лейтенанта, и он начинает встречаться со спасенной им девушкой, которую зовут Света. Они часто после работы, ходят в театры, художественные галереи и однажды Света приглашает его домой, на обед. Оказывается, она живет в самом центре, недалеко от Большого театра, в старинном доме со львами на фасаде. Козлов

надевает парадную форму и поднимается в квартиру по мраморным ступеням. Останавливается перед большой, красивой дверью, нажимает кнопку звонка. Дверь раскрывается и его встречает Света, уже в свадебном платье и взяв под руку, проводит в сверкающий от хрустальной посуды комнату, где их ждут Светины родители. Отец ее оказывается милицейский генерал. Не самый главный, но почти. Они выпивают с ним по рюмке водки и он, обнимая его прикладывает на плечи погоны капитана, со словами: «У меня не было сына. А теперь есть». Козлов остается жить у Светы. Теперь каждое утро за ними с отцом приезжает черный мерседес с мигалкой и отвозит сначала отца-генерала на службу в Министерство внутренних дел, а потом Козлова в милицейскую академию. Он быстро, за быстро её заканчивает и становится майором. Они переезжают со Светой в новую квартиру в небоскребе, на сто первом этаже. Козлов вспоминает про старушку мать, живущую в деревне Сосновке, и решает навестить ее. Он берет отпуск, и на новом черном джипе, подаренном тестем генералом, по случаю окончания академии, приезжает в деревню. Возле дома его встречает старушка мать. Козлов выходит из машины, в парадной белой форме и уже в звании полковника. Он за это время раскрыл какую-то банду и ему сразу присвоили полковника. Мать взмахивает руками и бросается ему на грудь.

– Вот видишь мамаша, – обнимая и глядя ее по худой спине произносит Козлов. – А вы не хотели, чтобы я в Кваскву

ехал. А хотели, чтобы я тут с Мишкой Белорусом на тракторе огороды дачникам пахал.

– Так, кто знал, сынок, что так все сложится, – всхлипывала на груди мать- старушка.

– То-то и оно, – назидательно произносит Козлов, – Сержант Козлов сказал, сержант Козлов сделал. В смысле полковник.

Они садятся за уже накрытый стол, где дымится в миске отварная картошка, обильно посыпанная укропом, а в другой лежат янтарного цвета соленый огурцы.

– Ой, главное то, я совсем забыла, – взмахнув рукой произносить старушка мать и нагнувшись под стол достает бутылку с мутноватой белой жидкостью и вытащив скрученную из газеты пробку наливает в граненый стакан, пододвигая его к Козлову, – Выпей сынок самогону, за встречу.

– Наш, сосновский, – Козлов поднимая стакан, втягивая носом ядреный, бражный запах.

– А то чей. Конечно наш. Нюрка почтальонша гонит. Тридцать рублей бутылка.

– Недорого, – одобрительно произносит Козлов и медленными глотками, немного морщась для солидности, выпивает и... тут мечты в голове начинают путаться, и Козлов засыпает.

«Приехали, товарищ», -раздается требовательный голос. Козлов открыл глаза. Он сидел один в уже пустом, слабоосвещенном салоне автобуса, а над ним склонившись, стоит

водитель и трясет за плечо.

– Что, – недоуменно посмотрел на него Козлов.

– Выходите, Квасква, – требовательно произнес водитель. – И вещи свои не забудьте.

Козлов, сняв с полки корзину с рюкзаком и вышел из автобуса. На улице было совсем темно. Вдоль дороги в свете редких фонарей стоят такие же автобусы, приехавшие в столицу и немного в отдалении, виднелось слабоосвещенное здание с неоновой вывеской «Автовокзал». Козлов в нерешительности покрутил головой и вернулся к автобусу, постучался в дверь. «Чего надо», – из окна высунулся недовольный водитель.

– Простите, а вы не подскажите как пройти к метро, – виноватым голосом спросил Козлов.

– Метро еще закрыто. Перекантуйся в автовокзале до утра, – зевнув ответил водитель и поднял стекло.

Козлов вздохнул и набросив на плечо рюкзак направился к зданию автовокзала. Внутри, все было забито спящим народом. В основном это были «челноки», приехавшие за товаром в Кваскву. Они, с тележками и свертками занимали все свободные места на скамейках в зале ожидания, а не поместившиеся спали прямо на полу вдоль стен. Козлов обошел все здание и не найдя, где присесть, вышел на улицу и достав пачку сигарет, закурил. «Дядя, сигаретки не найдется», – раздался сзади, звонкий девичий голосок. Козлов оглянулся. Перед ним стояла еще совсем молоденькая де-

вушка в рваненьких джинсиках с рюкзачком за спиной. Девушка, держала в руках что-то свернутое рулон и насмешливо смотрела Козлова.

– А тебе курить то можно, – спросил Козлов протягивая ей пачку сигарет.

– Можно. Здесь мама, не увидит, – доставая сигаретку ответила девушка и вытянувшись, прикурила от сигареты Козлова. – Спасибо.

– А ты не знаешь, когда метро откроют, – решил поддержать разговор Козлов.

– В шесть утра, – выпуская вверх дым ответила девушка.

– Долго еще ждать, – взглянул на часы Козлов.

– Недавно приехали в Кваскву, – поинтересовалась девушка и протянула ему руку, – Меня Света зовут.

– Сержант Козлов, – автоматически представился Козлов.

– А почему сержант, – насторожилась Света.

– Я в армии сержантом был. В танковых войсках два года отрубил, – уклонился Козлов. Вот теперь на работу приехал устраиваться из N-ска.

– Танкистом, – уточнила Света.

– Почему танкистом? Козловым, – рассмеялся Козлов. Девушка ему внушала доверие и напряжение от прибывания в незнакомом городе, стало проходить.

В это время на привокзальную площадь медленно въехал желтый полицейский Уазик. Точно такой же, на котором последние пять лет проездил Козлов у себя в N-ске.

– Вот и менты пожаловали, – настороженно произнесла Света, выбрасывая сигарету.

– Ну и что подумаешь. «Мы ничего не нарушаем», — беспечно усмехнулся Козлов.

– Это тебе так кажется. «Они так не думают», — внимательно наблюдая за маневрами Уазика ответила Света.

– Со мной может их не бояться, – самодовольно произнес Козлов, а Уазик в это время развернулся и медленно поехал прямо на них.

– Да я и не боюсь. «Это они меня пусть бояться», — с вызовом ответила девушка и протянула Козлову свернутый рулон. – Подержи сержант Козлов. Мне в туалет надо.

– Давай, – согласился Козлов, забирая рулон.

Света быстро юркнула через дверь внутрь автовокзала, а Уазик подъехав, остановился метрах в пяти от Козлова и включил дальний свет фар прямо ему в глаза.

– Вы, чего охренели, – закрывая ладонью лицо возмутился Козлов.

В это время двери Уазика открылась и оттуда на асфальт спрыгнули полицейский точно в такой же синей форме, какую носил Козлов у себя в районном отделении и медленно подошел к Козлову. «Где девчонка?», – спросил один из них убирая руку Козлова от лица.

– Какая девчонка, – не понял Козлов.

– А это что у тебя в руках, – второй полицейский слегка постучал по рулону – А ну разверни.

Козлов послушно, двумя руками развернул перед собой рулон, на котором была нарисована зверская рожа полицейского с надписью: «Менты козлы».

– Так нормально видно, – добродушно посмотрев на полицейских, спросил Козлов.

– Нормально, – кивнул ему полицейский, доставая телефон и сделав несколько снимков, крепко взял Козлова под локоть, – А теперь садись в машину, поехали.

– Куда коллеги, – уперся было Козлов.

– Тамбовский волк тебе коллега, – хохотнул второй полицейский, подхватывая Козлова под вторую руку.

Они затащили Козлова за Уазик и открыв заднюю дверь, отработанным движением забросили его внутрь.

– У меня там вещи остались, – прориник к решетчатому окошку двери, крикнул Козлов.

Один из полицейских вернулся на тротуар и забрав корзину с Козловским рюкзаком, залез в Уазик, и он с включенными проблесковыми маячками покати́л по ночным улицам Квасквы.

– Ну, и какой тебе этот ОМОН, – разливая самогон по стаканам, снисходительно посмотрел на Козлова, старший дежурный в привокзальном районном отделении полиции, куда доставил Козлова полицейский патруль.

Бумага от отдела кадров, которую Козлов предъявил, когда его привези в отделение, тут же сняла все вопросы. А со-

держимое корзинки, которую собрала старушка мать ему в дорогу, расположило к нему дежурного офицера, слегка располневшего майора с восточными чертами лица. Теперь они сидели вместе патрульными в его кабинете и майор аргументированно, под самогон, доказывал Козлову преимущества службы именно в районном отделении полиции.

– Ты, пойми. Служба в ОМОНе, военная, не ментовская. Постоянно в условиях казармы будешь находиться и выходные практически всегда в оцеплении. Народ совсем оборзел, через неделю несанкционированные митинги устраивает, – майор потянулся стаканом к Козлову. Они чокнулись и морщась, выпили.

– А зарплата, зато у них выше, – Козлов помакал в рассыпанную на газете соль стрелкой зеленого лука.

– Выше, – согласился майор, очищая куриное яйцо. – Но никаких тебе левых заработков.

– Каких еще левых, – не понял Козлов.

– Ты, что не мент что ли, – усмехнулся майор и переглянувшись с патрульными, открыв ящик стола, вытащил, и помахал перед Козловым приличной стопкой купюр. – Это только за полсмены собрали с правонарушителей. Конечно, с вышестоящими товарищами делиться надо, но и нам остается. – И убрав деньги обратно, он задвинул ящик и закончил, – И зато у нас нет этой казармы, вот что главное. Понимаешь, – майор поднял указательный палец вверх и с выражением произнес, – Мы свободные менты.

– Ну, не знаю, – засомневался Козлов.

– А я знаю, – майор снова потянулся за бутылкой, но в это время зазвонил телефон. – Дежурный по отделению майор Бахрамов у аппарата, – сняв трубку в одно слово ответил майор и выслушав, поморщившись уточнил: «Адрес какой? Хорошо. Высылаю наряд».

Он положил трубку, и указал патрульным на дверь: «Угличская 16. Пьяная разборка в квартире. Выезжайте». Патрульные нехотя встали и пристегнув дубинки вышли из кабинета дежурного.

– Вот видишь. «Нормальная служба. С мирными гражданами имеем дело и никакой тебе политики», —назидательно произнес майор и плеснул в стаканы самогон: «Ладно. Давай еще по последней». Они выпили и майор, взяв связку ключей отвел Козлова в «обезьянник», куда сажали задержанных. «Тут переночуешь. А завтра с утра я тебя в отдел кадров отвезу».

Козлов разместился на неширокой деревянной скамейке и положив под голову рюкзак, быстро заснул в привычной для себя обстановке.

Сон Козлова.

Козлов стоял на оживленной улице Квасквы и покуривая смотрел по сторонам. Вдруг среди бегущего к метро народу он увидел ту самую девушку с плакатиком, завернутым в ролон. «Вот ты где, – со злостью подумал Козлов, выстреливая сигаретку в кусты, – Никому еще сержанта Козлова в дура-

ках не удавалось оставить», – и он, прячась среди идущих людей пошел следом за девчонкой. Та, пройдя немного вперед, спустилась в подземный переход и через несколько минут вышла на другую сторону улицы. Козлов хоть и первый раз был в Кваскве, не считая, когда он пьяным дембелем, возвращаясь из армии, делая пересадку на Курском вокзале, узнал это место. Это была Пушкинская площадь с памятником грустно-задумчивому поэту на пьедестале. Ее часто показывали по телевизору и здесь собирались всякого рода протестующие и девчонка как раз направилась к памятнику, где уже кучковалась такого же вида молодежь. Козлов быстро перешёл на их сторону улицы и спрятавшись за высоким фонарным столбом, принялся наблюдать за девчонкой, оценивая происходящую вокруг ситуацию. К памятнику в это время подходило все больше и больше народу, держа в руках точно такие же свернутые в рулон плакатики.

– А где же менты, – вслух подумал Козлов вытягивая голову и всматриваясь вперед. И тут ему сзади на плечо легла чья-то тяжелая рука. Он оглянулся. Перед ним стояли два огромных омоновца в синих камуфляжных комбинезонах и черных беретах.

– Что вы здесь высматриваете товарищ, – строго спросил один из омоновцев.

– Тихо, – Козлов приложил палец к губам. – Я на задании. Выслеживаю опасную экстремистку.

– Документики покажите, – произнес омоновец, при-

стально смотря в глаза Козлова. Тот похлопал по карманам в поисках удостоверения, но ничего не найдя, заискивающе посмотрев на омоновца, произнес: Я не взял с собой. Но я свой товарищи. Я сержант Козлов. Меня в N-ске каждая собака знает. Можете проверить.

– Мы проверим. Мы обязательно проверим, – улыбнулся в ответ омоновец, крепко прихватывая Козлова под руку, – Пройдемте только в автозак. Там и проверим.

– Подождите, – уперся Козлов. – Это не меня, это их надо в автозак.

– Их то, за что, – удивился омоновец.

– Как за что? У них же плакаты с запрещенными лозунгами.

– Какими лозунгами, – с интересом спросил омоновец.

– Разными. Типа Менты козлы. ОМОН пустозвон.

– Что ты сказал, – блеснул глазами омоновец. – Кто пустозвон?

– Это не я сказал, это у них так написано. Вы скажите, чтобы они развернули плакаты и увидите, – и Козлов попытался вырваться из рук омоновца.

– Не рыпайся, – одернул его омоновец и замахал рукой стоящим у памятника.

– Эй, пацаны. Что там плакатах написано?

– Все нормально у нас. Не беспокойся командир, – замахали в ответ пацаны.

– А ну разверните, – закричал им Козлов и те дружно ста-

ли разворачивать и поднимать над головой плакаты.

– Вот, видите, – обрадовался Козлов, заглядывая в глаза омоновцу, – Я же говорил.

– Что ты говорил? Ты читать умеешь, – и омоновец, легко развернув Козлова к памятнику, прикрикну, – Давай, читай.

– Менты красавцы. ОМОН самогон. Козлов стукач, – вслух прочитал Козлов.

– Что скажешь, – усмехнулся омоновец.

Это не правда. Они совсем другое хотели написал, – задергался Козлов.

– Ладно, хорош с ним цацкаться. «Повели в автозак», – сказал второй омоновец и схватив Козлова за рукав с силой потащил по асфальту.

– Я не хочу в автозак, – закричал Козлов и открыл глаза. Перед ним стоял удивленный дежурный майор, дергая его за руку: «Это не автозак? Ты чего парень?»

– Фу, – садясь на скамейку облегченно выдохнул Козлов, – А мне приснилось, что меня омоновцы винтили.

– Я же тебя предупреждал, насчет ОМОН, – усмехнулся майор. – Ничего там хорошего нет.

– Так это же только во сне, – радостно отмахнулся Козлов. – Чего только после нашего сосновского самогона не приснится.

– Это сон в руку, парень. «В обезьяннике все сны вещие», – зевнул майор, потягиваясь. – Ладно. Давай иди в туалет. Я дежурство сдал. Отвезу тебя в отдел кадров. А там сам

решай, куда тебе дальше.

Было еще раннее утро и они, сев в старенькую, зеленые цвета «копейку» майора, по пустым улочкам Квасквы, быстро доехали в центр города. «Приехали», – Майор притормозил машину возле длинной решетчатой ограды, за которой стояло несколько припаркованных дорогих иномарок.

«Перловка 38» – выглянув, прочитал Козлов синий указатель улицы на углу здания. – Это что?

– Городского управления полиции, – усмехнувшись, покачал головой майор.

– А что-то машины там не ментовские стоят.

– Самые, что ни наесть ментовские, – продолжил подтрунивать над ним майор, – Эх, Козлов, Козлов. Жизни ты еще не знаешь. Здесь на уазиках, как у тебя в деревне, ментовское начальство не ездит.

– А-а-а, – протянул Козлов, – То-то я смотрю ты на крутой копейке разъезжаешь.

– Рано мне еще светится Козлов, – самодовольно ответил майор, – Не до рос до красивой жизни. Понятно?

– Так, точно товарищ майор, – приоткрыл дверь Козлов.

– Подожди, – Майор протянул ему визитку, – Там мой номер мобильного. Если с ОМОНОм не сложится. Звони. Помогу устроиться к нам в отделение.

– Спасибо, – Козлов, сунув визитку в карман и забрав с заднего сиденья корзинку с рюкзаком, помахав рукой майору, бодрым шагом направился к проходной.

В ОМОН Козлова не взяли. «Чтобы туда попасть, надо проявить себя. Заслужить доверие командования», – зевая, ответил на просьбу Козлова лысоватый полковник в отделе кадров и вручил направление во 2-й полк полиции общественной безопасности. – Годик там послужишь, а потом посмотрим.

На приехавшем автозаке его, вместе с ещё несколькими новенькими отвезли в расположение полка, находящегося на окраине города и выдав черную, как у эсэсовских карателей в кино форму, до обеда прогоняли на плацу, занимаясь строевой подготовкой. Пообедав в солдатской столовой, их отвели в общежитие и разместили в отдельные комнаты по шесть человек с двухъярусными кроватями, с общим туалетом в конце коридора и небольшим холлом со старым ламповым телевизором. Не успели они прилечь на кровати, как пришел дежурный и погнал их снова на плац. Им выдали щиты, дубинки и большие неудобные шлемы, и они под руководством огромного черного прапорщика, постоянно приговаривающего: «Тяжело в учении. Легко в бою», попеременно меняясь, стали отрабатывать друг на друге приемы по борьбе с протестующими. Где-то через два часа тренировки под палящим солнцем, прапорщик разрешил перекурить и Козлов, в изнеможении упал на землю под дерево и с не покидающей мыслью «зачем я сюда приехал», стал вспоминать родное районное отделение полиции в N-ске и свой раздол-

банный, желтый уазик. Но не успел он погрузиться в сладкие воспоминания, как раздалась команда становись и они, выбежав на плац, выстроились на солнцепеке, перед прохаживающим вдоль строя небольшого роста, толстым, полковником, с маленькими, поросячьими глазками.

– Ну, что орлы, – оглядев строй неожиданно высоким голосом произнес полковник, – Готовы защищать правопорядок нашей Родины?

– Так, точно. Готовы. – разнеслись по строю отдельные голоса.

– Это хорошо. Потому как Родина, скажу вам по секрету в опасности. Расплодились в последнее время провокаторы и чего скрывать, откровенные враги. Проплаченные естественно западом. Потому как наш, простой, честный человек не будет выступать против своей народной власти. Это понимать надо. Понятно?

– Так, точно. Понятно, – снова в разной ответили из строя.

– Вот и замечательно, – полковник снял фуражку и носовым платком вытер пот со лба, – Вопросы и пожелания какие-нибудь есть?

– А мы всегда в черной форме будем ходить, – осторожно спросил кто-то из строя. – А то жарко в ней.

– Это первые пять лет жарко. А потом привыкните, – пошутил в ответ майор, вызвав громкий смех у огромного черного прапорщика, стоящего рядом. – Зато злее будете. Все.

Вольно, – и он, пожав руку черному прапорщику сел в подъехавшую тоже черную «Волгу» и через распахнувшиеся металлические ворота с красными звездами выехал из расположения полка.

– А теперь взвод приступит к наведению порядка в расположении части, – дал вводную черный прапорщик, – Первое отделение подметает плац. Второе, отправляется на кухню. Третье убирает в казарме.

Козлов попал в первое отделение и получив на складе метлу из ивовых прутьев, надетую на черенок от лопаты и вместе с еще шестью новобранцами стал сгонять с плаца сухие листья, уже начавшие опадать с огромных лип росших за бетонным забором, огораживающим часть от городской застройки. Возле КПП его окликнул стоящий на воротах в такой же черной форме боец с красной повязкой на рукаве: «Закурить не найдется, землячок?»

Козлов, достав пачку сигарет протянул ее бойцу, – Слушай друг, а как мне можно в город выйти?

– Рапорт надо писать на своего ротного. Только он может дать разрешение, – выпуская дым ответил дежурный, – А ты, что новенький?

– Ага. Первый день сегодня, – тоже закуривая, кивнул ему Козлов.

– Ну, это тебя не раньше, чем через месяц отпустят, – со знанием дела сообщил дежурный, – Когда курс молодого бойца пройдешь.

– Слушай, а мне сегодня очень надо. Ко мне девушка через час должна приехать, – с надеждой посмотрел на него Козлов.

– Через час, – взглянул на часы дежурный. – Я могу, конечно, переговорить с дежурным по КПП, но он за это тысячу берет.

– Тысячу рублей, – изумился Козлов.

– Ну, не долларов же, – усмехнулся дневальный. – Ну, что переговорить?

– Переговори, – согласился Козлов.

Боец поднялся по ступенькам и через несколько минут вернулся, оглядываясь по сторонам, заговорщицки произнес: Дежурный не против. У тебя гражданская одежда есть?

– Есть. Там в общаге осталась, – обрадовался Козлов.

– Тогда через час подходи. Внутри на КПП переоденешься в гражданку. И тысячу не забудь.

– Не забуду, – обрадовался Козлов и помчался в общежитие.

Там, он, порывшись в вещах, нашел визитку майора и набрал его номер.

– Это кто, – раздался в трубке сонны голос майора.

– Это я. Сержант Козлов из N-ска. Помните? Я не хочу больше в ОМОН. Я к вам хочу в райотдел. Свободным местом.

– А это ты, – дошло наконец до майора. – Быстро ты разочаровался в милиции особого назначения.

– Я во второй патрульный полк попал.

– Эти еще хуже, – посочувствовал майор. – Ладно, попробую тебя к нам определить.

– Я договорился на КПП. Меня обещали через час пропустить. Где мне вас найти?

– Через час, – задумался майор. – Выйдешь из КПП. Там за углом кафе уличное. Жди. Подъеду.

– Спасибо вам большое, товарищ майор, – чуть не разрыдался в ответ Козлов. – Век не забуду.

– Да, ладно тебе, – самодовольно ответил майор и отключился.

Козлов быстро сложив вещи в рюкзак и спустившись вниз, осторожно выглянул на улицу. Перед казармой было пусто. Только на плацу бойцы из его отделения продолжали ходить, размахивая метлами. Он взял свою метлу, стоящую у стены и также размахивая ей, прошел через плац к КПП. Дневальный запустил его во внутрь и забрав тысячу рублей, отвел в комнату, где Козлов переделся в гражданскую одежду.

– Только учти. У тебя два часа, – постучал по циферблату дневальный, – Другая смена заступит. Им тогда еще придется тысячу платить за вход.

– Я успею, – пожал ему руку Козлов и с облегчением вышел на улицу.

Пройдя вдоль забора, он свернул за угол и увидел, как и говорил майор, открытое кафе под зонтичными навесами.

«Все-таки мне везет по жизни, – расслабившись думал

Козлов, сидя за столиком в кафе и с наслаждением потягивая холодное пиво, – В такую жопу чуть не угодил»

– Эй, сержант. Я здесь, – раздался знакомый голос майора.

Козлов встрепенулся. На дороге стоял черный, старой модели, внедорожник с опущенным передним стеклом.

– Где вы, товарищ майор, – вытянулся Козлов, разглядывая дорогу.

– Только без звания давай тут, – донесся голос майора, и дверца джипа распахнулась.

Козлов, подхватив рюкзак, и спустившись к дороге, залез внутрь джипа, где за рулем, в гражданской одежде и чёрных, солнцезащитных очках сидел майор Бахрамов, похожий сейчас на латиноамериканского мафиози.

– Какая у вас крутая тачка, – с уважением произнес он. – А, что с копеечкой?

– Копейка для работы, – включая зажигание, усмехнулся майор, – Я же тебе говорил. Рано мне еще светиться.

Майор вырулил на дорогу и достав пачку сигарет, протянул Козлову: Кури. Ты, кстати где жить собираешься?

– Я не знаю, – пожал плечами Козлов. – А разве у вас жильем не обеспечивают?

– Нет. У нас казармы нет. Квартиру снимать надо.

– И дорого, – у Козлова снова пропало настроение.

– Цены разные. Могу тебе по дружбе однокомнатную квартиру своей тетки предложить. Она сдает, а сама на даче живет. «Пятнадцать тысяч за все и в этом же районе, где наш

отдел полиции», — непринуждённо сообщил майор.

— Пятнадцать, — ошалело воскликнул Козлов, — Я у нас в N-ске, в райотделе столько получал.

— Как хочешь, — сделал безразличное лицо майор, — Могу обратно в полк отвезти. Там за казарму всего семь тысяч с тебя удерживать будут.

— Не надо в полк. «Может где подешевле найду», — напрыгся задумчиво Козлов.

— Да, ты переживая. Зарплата сорок. И левыми минимум двадцать будешь иметь, — подбодрил его майор.

— Двадцать, — обрадовался Козлов, — Я согласен, поехали к тетке.

— Сначала в райотдел заедем. Форму на тебя получу. У тебя какой размер?

— Пятидесятый. А ботинки сорок второй.

Майор проехал еще немного и свернув в небольшой проулок, остановил джип.

— Подожди здесь. Я сейчас. — Он вылез и оглядываясь по сторонам ушел в сторону видневшегося из-за кустов здания райотдела полиции. Вернувшись через полчаса, протянул Козлову два сверка: «Это китель с брюками и берцы. А удостоверение завтра с утра в отделе получишь».

Они проехали еще немного дворами и остановились у старой панельной пятиэтажке, заросшей до самой крыши раскидистыми кленами.

— Все приехали, — вышел из джипа майор. — Улица летчи-

ка Гастелло, дом пятнадцать, квартира тринадцать. Вон на втором этаже, – майор указал на окно, завешенное сеткой от комаров. – Район, как видишь экологически чистый. До работы всего три километра. Выходишь со двора и направо вниз по дороге.

– Удобно, – согласился Козлов.

Они поднялись на второй этаж и майор, открыв дверь, протянул Козлову ключи:

– Все обживайся. А завтра к восьми на службе.

– Так точно буду к восьми, – прикладывая руку к голове, ответил Козлов.

– И это, – замялся майор, – У меня тетка предоплату всегда требует с постояльцев.

– Предоплату, – растерялся Козлов и достав из кошелька деньги и пересчитав виновато произнес: «У меня всего двенадцать тысяч осталось».

– А, что же ты без денег в Кваскву приехал, – грустно посмотрел на него майор.

– Так я же наоборот, зарабатывать приехал, а не тратить.

– Ладно. Давай пятерку, – майор вытащил из рук Козлова несколько купюр, – Попробую договорится с теткой, что бы подождала до аванса.

Проводив майора до выхода из подъезда, Козлов вернулся в квартиру и огляделся. Квартирка была совсем маленькая, в два окна, комнатка и кухня. Даже меньше, чем хата у старушки- матери в Сосновке. В комнате стоял старый, прова-

ленный диван, являющийся одновременно и кроватью, и стулом. У стены прислонился старенький шифоньер с открытой дверкой. Козлов бросил в шифоньер рюкзак и свертки с обмундированием, и прошел на маленькую кухню. Он с трудом протискиваясь между кухонным столом и раковиной с ржавого цвета эмалью. Над раковиной висела алюминиевая сушилка, в которой стояли две тарелки, кружка с отбитой ручкой и поллитровая банка с ложкой и вилкой. Козлов закурил и взяв из сушилки тарелку, вместо пепельницы, присел за стол и уперся во что-то ногами. Нагнувшись, он увидел под столом небольшой, квадратный холодильник с приоткрытой дверкой, от которого тянулся провод с электрической вилкой. Козлов дотянулся до вилки и воткнул её в розетку. Холодильник издал звук похожий на лошадиное ржание, и заработал.

– Жить можно, – радостно подумал Козлов, приоткрывая дверцу холодильника. Внутри, на полке лежал покрытый плесенью кусок сыра, на котором сидел худой, рыжий таракан, шевеля длинными усами и грустно смотрел на Козлова. «Давай вылезай, а то замёрзнешь», – Козлов осторожно вытащил сыр с тараканом и поставил на пол поближе к стене, чтобы не наступить. Таракан слез с сыра и снова подполз к Козлову, шевеля усами.

– Проголодался, наверное, дружище, – сочувственно посмотрел на него Козлов, – Я честно тоже. Надо сходить в магазин, купить что ни будь поесть.

За окном уже смеркалось. Он встал из-за стола и щёлкнул выключателем на стене. Кухня осветилась слабым, желтым светом от небольшой лампочки, висевшей под потолком, без абажура. Таракан испуганно, снова забрался на сыр.

– Как тебя зовут, дружище, – заглянул под стол Козлов. Таракан почему-то вызывал у него доверие. У Козлова с детства была странная привычка разговаривать с неодушевленными предметами или животными. «Как? Тимофей, – переспросил он, – А меня сержант Козлов. Будем теперь жить вместе. Ты похоже сыр любишь. Какой. Российский или Голландский? Я лично плавленые сырки Дружба уважаю. Ну, жди, скоро вернусь. Он не стал выключать свет и сняв в прихожей с крючка сетчатую сумку- авоську, вышел из квартиры, закрыв дверь на ключ.

Внизу, на лавочке у подъезда сидел неопределенного возраста мужчина в коричневом берете и синих брюках, из-под которых виднелись голые щиколотки.

– Вы не подскажете товарищ, где здесь поблизости продуктовый магазин, – обратился к нему Козлов.

– Магазин, – встрепенулся мужчина, вставая со скамейки. Он оказался совсем небольшого роста. По грудь Козлову. «А хотите я вас провожу», – радостно произнес он и не дожидаясь ответа, вышел на дорогу и поманив Козлова рукой, медленно пошел вперед, постоянно оглядываясь назад и приговаривая, – «Пойдемте, пойдемте. Я знаю самую короткую дорогу». Козлов постоял немного и пошел следом.

Минут через десять они подошли к темному двухэтажному строению с яркой витриной на первом этаже и синей, неоновой вывеской «Продукты».

– Вот и пришли, – сообщил мужчина и грустно добавил, – Только алкоголь здесь не продают.

– Да, мне и не надо алкоголь, – пожал плечами Козлов и вошел внутрь магазина.

Походив среди полок, он набрал немного продуктов, чтобы их можно было поместить в холодильник и рассчитавшись на кассе вышел на улицу. Мужичек в берете, стоял чуть в стороне, явно дожидаясь его.

– Закупились, – увидев Козлова, поинтересовался он добродушно улыбаясь.

– Да, спасибо, – ответил Козлов. Ему стало как-то неловко, и он вытащил из кармана пачку сигарет, протянул ее незнакомцу. – Курите.

Тот ловко вытащил сигарету и прикурил. Козлов, достал сигарету и тоже закурил.

– Как вас зовут, – поинтересовался он.

– Тимофей, – представился мужичек.

– Как таракана, – неожиданно вырвалось у Козлова и он, посмотрев на мужчину увидел на его лице черные, немного свисающие вниз усы, – Ой, извините.

– Ничего, – засмеялся в ответ Тимофей, проведя рукой по усам, – Я уже привык. Меня часто так называют. Но я не обижаюсь. Даже наоборот.

– Что наоборот, – не понял Козлов.

– Тараканы, в принципе мирные, домашние насекомые.

– Да, я тоже ничего к ним не имею, – согласился Козлов, поднимая авоську с земли, – Ну, что пошли обратно.

А может того, – продолжал улыбаться Тимофей, – Погода хорошая. Можем посидеть во дворе, возле дома.

– В каком смысле, – не понял Козлов.

– Тут в наш винный, портвейн завезли. Очень хороший и не дорого. Всего сто рублей за бутылку ноль семь. У меня только сорок рублей, – и Тимофей вздохнул и внимательно посмотрел на Козлова. – Или вы не пьете?

– Вообще-то пью. Но завтра на работу, – с сомнением ответил Козлов.

– Так мы всего одну бутылку возьмем.

– Одну, – подумал немного Козлов, – Ладно, бери, – и достав из кармана деньги, протянул Тимофею стольник, – Сдачу не надо.

– Я сейчас, – Тимофей схватил деньги, – Вы идите, я вас догоню. Я быстро, – и он растворился в темноте кустов.

Козлов выбросил окурок и вспоминая дорогу, стал возвращаться назад.

У самого подъезда, его догнал запыхавшийся Тимофей. «Вот успел. Последняя бутылка оставалась», – протянул он большую с виду бутылку с белой этикеткой, – Портвейн Южный. Тот самый.

– Что значит тот самый, – взяв бутылку, покрутил ее в

руках Козлов.

– Его раньше производили. Еще до развала Союза. А потом перестали.

– А тогда откуда он взялся сейчас?

– Не знаю. Наверное, из госзапасов. У них там, говорят по тридцать лет продукты хранятся. А, когда срок годности закончился, отправляют в продажу, – и Тимофей, поднеся бутылку к лицу прочитал: «Росвинпром. 1983 год. Я же говорил срок закончился».

– А где будем пить, – Козлов огляделся по сторонам. – У подъезда вроде неудобно.

– Идите за мной, – потянул его за руку Тимофей и они, пробравшись через заросли кустов акации, росших вдоль дороги, оказались на детской площадке, на которую падал слабый свет от придорожного фонаря. – Вот здесь лучше всего.

– Но это же детская площадка, – засомневался Козлов.

– Это днем детская площадка. А ночью какие здесь дети, – усаживаясь на край песочницы резонно ответил Тимофей.

– Ну, да, – согласился Козлов, присаживаясь рядом.

Тимофей щелкнул зажигалкой и поднеся ее к горлышку бутылки, проворно опалил и снял пробку.

– Давно я не пил этот божественный нектар, – с наслаждением понюхав пробку произнес Тимофей и достал из кармана настоящий граненый стакан протянул его Козлову. – Держите. стакан один. А я из горла.

Козлов взял стакан, и Тимофей налил в него до краев гу-

стой, черной жидкости, приторно сладковатой по запаху.

– Ну, давайте, чтобы у вас все сложилось на службе, – потянулся он, чокаясь бутылкой.

– А откуда вы знаете про мою службу, – преподнеся стакан ко рту, остановился Козлов.

– Так эту квартиру, в которой вы поселились, всегда ментам сдают. Ой, простите. В смысле милиционерам, – поправившись ответил Тимофей.

– Я не милиционер, – строго произнес Козлов, – Я полицейский.

–Какая разница, – сделал примирительный знак Тимофей, – Давайте выпьем.

И он, чокнувшись со стаканом Козлова, приложившись ртом к горлышку, перевернул вертикально вверх бутылку, вливая в себя ее содержимое.

Козлов с удивлением посмотрев на него, зажал пальцами нос и морщась, выпив большими глотками и передернув плечами выдавил, – Фу, какая же гадость.

– Это просто вы не распробовали еще, – поставил бутылку в песок Тимофей. – У вас там, кажется, было чем закусить?

Козлов порылся в сумке и вытащив плавленый сырок Дружба, протянул его Тимофею.

– Не, не, не. Вы кушайте, кушайте. Мне врачи не рекомендуют, – отрицательно потряс головой Тимофей.

– Что не рекомендуют, – не понял Козлов.

– Сырки эти, – грустно посмотрел на него Тимофей, – «Вы

молодой, а у меня организм уже не тот. Ну, что. Давайте допьем уже и по домам». – И он налил немного в стакан Козлова, стоящий на краю песочницы, и снова опрокинул в себя бутылку.

Козлов с опаской взял стакан и понюхал. Неприятный запах, вызывавший раньше тошноту, вдруг исчез, и даже наоборот в воздухе появился какой-то приятный, сладкий аромат. И тут на Козлова накатило какое-то тихое радостное чувство. Он, закрыв глаза и стал погружаться в легкую приятную дрему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.